

ТИПОЛОГИЯ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ БОЛГАРИИ И РУСИ IX—XII ВВ.

Одним из важных этапов на путях установления закономерностей исторического развития литературы является ее типологическое изучение. Принципы литературно-исторической типологии¹ получают конкретизацию при изучении средневековых литературных жанров.

Типология жанров изучает приблизительно однозначные явления (жанр или систему жанров), объединяемые и в силу особенностей их композиционной структуры и в силу их исторической повторяемости и изменчивости. Ее цель — рассмотреть способ формирования, организацию произведений как эстетического целого в связи с творческим методом и системой жанров эпохи. С точки зрения общей типологии, этот уровень типологического изучения представляется частным и не всегда эффективным, ибо типологические черты будут тем более зримыми и осязательными, „вещными”, чем дальше друг от друга будут отстоять сопоставляемые явления и факты.

Но с точки зрения собирания материала для создания картины общелитературного развития типология жанров сулит большие выгоды, так как позволяет подойти к пониманию общих законов художественного творчества.

Предмет нашего изучения жанр ораторской прозы в типологическом сопоставлении у болгар и русских в первые века его существования, IX—XII вв., в первые века литературного развития этих народов. До настоящего времени не делалось попыток дать целостную картину истории одного жанра — ораторской прозы — в древнеболгарской и древнерусской литературах. Более того, самый объем понятия „ораторская проза” не был определен. Прежде, чем приступить к выде-

---

1 М. Б. Хранченко. Типологическое изучение литературы и его принципы. — В кн.: Типология русского реализма. Сборник. М., 1969, стр. 12; А. Н. Робинсон. Задачи литературноисторической типологии при изучении древнейшей русской литературы. (Факторы литературной однотипности и разнотипности). — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Ред. Д. С. Лихачев и Н. Ф. Дробленкова. Л., 1970, стр. 19—30.

лению сходных и несходных функций у исследуемых явлений, необходимо остановиться на предыстории жанра, на его истоках, у южных и восточных славян.

С произведениями ораторского искусства болгары и русские познакомились, соответственно, лишь во второй половине IX и в конце X веков, когда после принятия христианства им стала доступной сокровищница греко-византийской книжной культуры, уходящей своими глубокими корнями в античную эпоху. От возникновения первых письменных ораторских произведений в Европе до первых оригинальных произведений болгарского и русского красноречия — „Слов” Константина-Кирилла Философа, 60-х гг. IX в., и „Поучения” Луки Жидяты, 1036 г., — прошло более 1300 лет. За это время жанр ораторской прозы прошел долгий и сложный путь развития. Нам нельзя игнорировать это развитие, так как древнеславянская ораторская проза была одним из последующих этапов в развитии европейской ораторской прозы. Она унаследовала от Византии и систему, и теорию, и практику этого жанра, глубоко и всесторонне разработанные на протяжении веков.

В системе литературы древних славян, как показал Д.С. Лихачев², первенствующее место занимает система жанров, а жанры находятся между собой в определенном, отнюдь не случайном соотношении, образуя жанровые ассоциации, меняющиеся исторически от целого ряда причин. Каждый жанр, как указывает Д.С. Лихачев³, в свою очередь, строится, как ассоциация, как сложное архитектурное сооружение ансамблевого типа. Древнеславянская ораторская проза, как жанр, также имела вид сложной и вполне устойчивой ассоциации, имеющей строго определенную структуру, иерархию поджанров и еще более мелких подразделений, что несколько напоминало структуру самого феодального общества Болгарии и Киевской Руси. Эта малая система, как и вся система жанров древнеславянских литератур, находилась в состоянии „подвижного равновесия”, т.е. она сама и отдельные ее части постоянно

---

2 Д. С. Лихачев. Древнеславянские литературы как система. — В кн.: Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968, стр. 5–48. То же на болгарском языке: Старославянските литератури като система. — Литературна мисъл, год. 13., София, 1969, кн. 1, стр. 3–38. Ср.: Д. С. Лихачев. Система литературных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963, стр. 41–70.

3 Д. С. Лихачев. Древнеславянские литературы как система, стр. 29–32.

изменялись, развивались или сходили на нет, возрождались и снова умирали, чтобы уступить дорогу новому. Это „подвижное равновесие” находилось в связи со всем историколитературным процессом, влиявшим на формирование „стилей эпохи” и многообразных жанровых стилей⁴.

Система древнеславянской ораторской прозы представляется нам в следующем виде:

I. поджанр — торжественное красноречие.

1. „Слова” на дни церковных праздников — господних, богородичных, в честь ангелов, пророков, апостолов, первомучеников, на храмовые праздники, на воскресные дни.

2. „Слова” в честь святых (кроме ветхо- и ново-заветных).

3. „Слова” или „церковные речи” в честь светских властителей — царей, князей и т.д.

II. поджанр — учительное красноречие.

1. Экзегетические поучения или беседы, содержащие изложение и толкование Священного писания.

2. Догматические „слова”, излагающие догматические истины.

3. Катехизические поучения или беседы, содержащие изложение элементарных основ христианской веры и морали.

4. Апологетико-полемические „слова”, поучения или беседы, содержащие изложение и защиту истин и догматов веры от нападок язычников, еретиков и раскольников, например, латинян.

5. Литургические „слова” на темы какой-нибудь одной части богослужения.

6. Нравоучительные и нравообличительные поучения или беседы на темы нравственно-этических основ христианской веры.

Необходимо различать четыре формы проповеди: „Слово”, „Почтение”, „Беседа”, „Всенародная речь”.

Именно такой была система ораторской прозы, унаследованная и Болгарией и Русью у греко-византийского мира. Ведущее положение в системе ораторской прозы и Болгарии и Руси занимал поджанр торжественного красноречия.

1. „Слова” на дни церковных праздников были неотъемлемой частью торжественного праздничного богослужения. В первые десятилетия бол-

4 О некоторых особенностях древнерусской ораторской прозы см.: Ю.К. Бегунов. Древнерусская ораторская проза как жанр (к постановке вопроса). — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности, стр. 75—85.

гарской литературы этих проповедей было создано немало благодаря трудам таких видных церковных ораторов как Климент Охридский (ум. 916г.) и Иоанн Экзарх (ум. приблиз. 920-ых гг.) Первому принадлежат „Слова” в честь архистратигов Михаила и Гавриила, пророка Ильи, пророка Захарии, Иоанна Крестителя, на воскресение Лазаря, на Вербницу, на Успение богородицы, а также, предположительно, „Слова” в честь библейских праотцев, вавилонских отроков, креста, апостола Павла. Второму — „Слова” на Рождество, Богоявление, Сретение, Преображение, Воскресение, Вознесение Христово, в честь Иоанна Богослова.

На Руси оригинальные похвальные „Слова” на дни церковных праздников появились лишь во второй половине XII в. Таковы „Слова” „в неделю всех святых”, „в субботу сыропустную”, „на Покров”, и 8 „слов” Кирилла Туровского — на неделю Цветоносную, на Пасху, на неделю Фомину, на неделю жен-мироносиц, на 4-ю неделю по Пасхе, на 6-ю неделю по Пасхе, на Вознесение, на собор Никейский.

2. „Слова” в честь святых также составляли неотъемлемую часть церковного ритуала. В Болгарии их первым творцом был Климент Охридский. Ему принадлежат похвальные „слова” Клименту Римскому, Димитрию Солунскому, 40-мученикам, Кириллу Философу, братьям Кириллу и Мефодию, и, предположительно, священномученику Иринею. Вне Болгарии, в Херсонесе Таврическом, в 860-861 гг., были сочинены Константином Философом на греческом языке и затем переведены на болгарский язык „Слово на пренесение мощемъ преславнаго Климента Римского” и „Слово похвальное священномученику Клименту”.

На Руси в XI—XII вв. были известны лишь немногие похвальные слова традиционным святым — Клименту Римскому, Николаю Мирликийскому, Козме и Дамиану, зато было много сочинений, посвященных собственно русским святым, среди которых большинство составляли панегирики светским властителям. Таковы „Слова” в честь князей Бориса и Глеба (3 сочинения), князя Владимира, княгини Ольги; известно „слово” и в честь одного из первых русских святых — игумена Феодосия Печерского.

3. Болгарских церковных или всенародных речей до нас не дошло. Зато нам известны 3 русских церковных речи — первое произведение торжественного красноречия Киевской Руси — „Слово о законе и благодати” Илариона (ок. 1049 г.), „Слово о князьях” (1175 г.), „Речь” Моисея Выдубецкого (1199 г.).

Учительное красноречие количественно всегда преобладало над торжественным.

1. Среди произведений болгарской экзегетической литературы известностью пользовалось составленное около 894 г. Константином Преславским „Учительное евангелие”. Оно состоит из 51 беседы воскресных евангельских чтений от недели Пасхи до недели Вайя, основанных на катенах (кратких извлечениях) из гомилий Иоанна Златоуста, а также Кирилла Александрийского и Григория Нисского. Другим крупным экзегетическим сочинением является „Шестоднев” Иоанна Экзарха, содержащий толкование на библейский рассказ о шести днях творения мира. Это произведение начала X в. использовало „Шестодневы” Василия Великого, Севериана Гавальского, Псевдо — Иоанна Златоуста и мн. др. Третье крупное экзегетическое сочинение — „Учительное евангелие”, содержащее воскресные евангельские чтения, было составлено на греческом языке Феофилактом Охридским в конце XI в.

На Руси экзегетическая проповедь появилась довольно поздно, лишь во второй половине XII в. Это Послание киевского митрополита Климента Философа к пресвитеру Фоме и три притчи Кирилла Туровского „о человечестей души и о телеси”, „о белоризце человеце”, „о черноризчестем чину”.

2. Первой догматической проповедью, написанной Константином Философом на славянском языке вне Болгарии, было „Написание о правой вере”. Самым значительным произведением болгарской догматической литературы был сборник „Слов о правой вере” или „Небеса” Иоанна Экзарха, представляющий собою перевод части „Книг богословия” Иоанна Дамаскина, 48 глав из 100, и некоторых сочинений Феодорита Киррского, Григория Нисского и Епифания Кипрского. На Руси догматическая проповедь была представлена весьма скромно-анонимным „Поучением правяя веры душеполезно” и переводом „Послания папы Льва к архиепископу Константинопольскому Флавиану на Евтихия”, выполненным в 1142—1143 гг. Киево-Печерским монахом Феодосием Греком. К последнему были добавлены предисловие и заключение переводчика.

3. Катехизические проповеди Болгарии представлены „Заповеданием о праздниках” Климента Охридского, компилятивным „Слословцем”, приписываемым патриарху Константинопольскому Геннадию, а также переводом Константина Преславского „Катехизиса” Кирилла Иеруса-

лимского. На Руси были хорошо известны катехизические поучения к братии и к священникам Луки Жидяты, Феодосия Печерского (13 проповедей), Ильи-Иоанна, архиепископа новгородского.

4. Апологетико-полемическая проповедь, стоявшая у истоков болгарской литературы, была представлена не дошедшими до нас беседами Константина Философа против иконоборцев, сарацин, иудеев, трехязычников (следы их сохранились в пространном Житии Кирилла). Благодаря Константину Преславскому, Болгария в 906 г. смогла познакомиться с книгой „на ариан” Афанасия Александрийского. Оригинальный апологетико-полемический труд, составленный в 969–970 гг., „Беседа на новоявившуюся ересь богомилу” принадлежит перу Козмы Пресвитера; в первой половине XI в. на его основе был составлен компилятивный трактат против богомила Феодора Сицилийского. Первым противолатинским сочинением в Болгарии было греческое „Послание Льва Охридского к Иоанну Транийскому” (1053 г.). На Руси этот вид проповеди был широко представлен многочисленными противолатинскими посланиями греческих иерархов X–XII в. — киевских митрополитов Льва, Георгия, Иоанна II, Никифора и игумена Киево-Печерского Феодосия, немало сохранилось и противоязыческих „слов” с псевдоэпиграфами „св. Иоанн Златоуст”, „св. Григорий Богослов”, „св. апостолы”, „св. отец Моисей” и др., а также „Слово некоего христороубца”.

5. Литургические „слова” Болгарии и Руси нам почти что неизвестны. Известно лишь одно из слов такого типа — „Поучение о божественной литургии” с псевдоэпиграфом „Григорий Богослов”.

6. Нравоучительные и нравообличительные проповеди были весьма популярны. В первые десятилетия после крещения болгар известностью пользовались праздничные проповеди, в которых давалось краткое объяснение празднуемому событию и наставление в вопросах веры. Таковы следующие поучения Климента Охридского: на воскресный день, на предпразднество Рождества богородицы, на Рождество богородицы, на предпразднество Воздвижения, на Зачатие богородицы, на предпразднество Рождества Христова, на Рождество Христово, на предпразднество Богоявления, на Богоявление, на предпразднование Сретения, на Сретение, на предпразднество Благовещения, на Благовещение, на Пасху, на Вознесение, Слово о св. Троице, Поучения об апостолах Петре и Павле, на предпразднество Преображения, на Преображение, на предпразднество Успения, на Успение богородицы, на память апостола

или мученика, на неделю мытаря и фарисея, на неделю блудного сына, на неделю мясопустную, на неделю Вайя и др.

В русской литературе подобные поучения находятся в учительной части славяно-русского Пролога, первой редакции, второй половины XII в. В них в очень краткой и безыскусственной форме отчасти говорится о значении праздников — Зачатия, Рождества, Покрова богородицы, Рождества, Крещения и Сретения Христова, Воздвижения креста и др., отчасти — даются наставления слушателям.

У обоих народов мы встречаемся с поучениями на темы поста и покаяния, о пользе для души, о бедности и богатстве: у болгар это некоторые поучения Климента Охридского и Петра Черноризца (X в.), у русских — Феодосия Печерского, митрополита Никифора Грека и многих анонимных проповедников XI—XII вв. В русской письменности сохранилось немало проповедей на темы „наказаний за грехи“, против пьянства, на поставления священников, поучения отца к сыну и мн. др.

На этом мы ограничиваем наш обзор. При сравнении письменных памятников болгарского и русского народов необходимо принимать во внимание ряд особых обстоятельств: во-первых, не все письменные памятники тысячелетней давности сохранились до наших дней, особенно пострадали памятники Болгарии, большая часть которых сохранилась в поздних списках библиотек русских монастырей; во-вторых, территория и население Болгарии даже во времена наивысшего расцвета, например, при царе Симеоне, были меньше, чем территория и население Киевской Руси; в-третьих, до наших дней не сохранилось образцов светского красноречия обоих народов — речей во дворцах и боярских хоромах, в народных собраниях и дома. Но, если даже допустить, что не все памятники ораторской прозы сохранились до наших дней, то количественный состав болгарских и русских проповедей IX—XII вв. не повлияет на функцию систем ораторской прозы у славянских народов, которая была вполне определенной, двоякой и нерасчлененной: 1) деловой, служебной (политической или церковной) и 2) художественной. Во-первых, это означало, что ораторская проза как часть литературы, как форма проявления общественного сознания, отражала соответствующее общественное бытие раннефеодального общества Болгарии или Руси. Во-вторых, это означало, что ораторская проза, содержащая в себе надстроечные элементы, в известной мере помогала своему базису оформиться и укрепиться; проповедь „слова божьего“ стояли у истоков просвещения новообращенных народов, у истоков

идеологии формировавшегося феодального государства. Каждый священник обязан был учить и авторитет его проповеди освящался авторитетом церкви, которая в Средние века была идеологической опорой феодального строя. В-третьих, это означало, что, несмотря на преобладание внелитературной функции, проповеди в храме и вне храма были рассчитаны не только на убеждение, но и на удовлетворение эстетических потребностей; творцами речей были проповедник и его слушатели, которые сопереживали с ним и способствовали созданию той атмосферы, которая вдохновляла оратора к импровизации, к творчеству, и потому проповедник уже не удовлетворялся тем, что доставляла ему история и логика, а прибегал к художественному вымыслу, искал совершенных поэтических средств для выражения своих мыслей и чувств.

Так было не только в образованных кругах греческого мира, но и у славянских народов. В Болгарии и на Руси уже через несколько десятилетий после принятия христианства сложился известный круг людей „прѣзвѣлиха насыщѣвших ся сладости книжныя“, к которому могли обращаться с изысканной речью и Климент Охридский, и Иоанн Экзарх, и Иларион Киевский, и Кирилл Туровский. Приобретенное этими проповедниками мастерство не было результатом только самобытного развития. От научения к подражанию и творчеству — таков был путь большинства церковных ораторов, многие из которых либо учились в школах Византии, либо использовали классические руководства и лучшие образцы. К числу лучших образцов относились произведения таких ораторов греко-византийского мира IV—IX вв. как Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Афанасий Александрийский, Ефрем Сирийский, Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Прокл Константинопольский, Андрей Критский, Феодор Студит, Иоанн Дамаскин, Фотий и др. Они имелись под рукой у славянских писателей и в оригинале и в переводах.

Что же могли получить Болгария и Русь из руководств греко-византийского красноречия?

В Болгарии и на Руси был известен трактат „О образѣхъ“ Георгия Херобоска, дьякона, знатока грамматики и профессора риторики Константинопольского университета, жившего в VI в. н.э. (по Крумбахеру)⁵. Основываясь на Рематиконе Аполлония и Ономатиконе Герере-

---

5 K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527—1453). 2. Auflage. München, 1897, S. 583. Ср.: F. Dölger.

диана, Херобоск представил классификацию 27 поэтических тропов и фигур, снабдив свои теоретические положения многими примерами из античной литературы, в том числе из Гомера. Между VI и IX в., скорее всего, в период иконоборчества, какой-то „благодетельный” книжник исключил эти примеры из трактата, найдя их, может быть, неподходящими для православного проповедника. В таком же сокращенном виде текст трактата сохранился, например, в составе нескольких греческих сборников X и XV вв.⁶ В конце IX — начале X в., при болгарском царе Симеоне, один из списков сборника этого же типа был целиком (вместе со статьей „О образѣхъ”) переведен на болгарский язык; позднее, в 1073 г., этот болгарский сборник был переписан русским писцом дьяком Иоанном для князя Святослава Ярославича⁷. Как именно использовался трактат Херобоска в литературной практике болгар и русских, мы, к сожалению, не знаем и можем только лишь предполагать, как это делают, например, Ю. Бешарова⁸ и В.П. Адрианова-Перетц⁹, что он не остался незамеченным. Вслед за Ю. Бешаровой значение трактата как памятника древнеславянской теоретической мысли оценили Е. Георгиев¹⁰, П. Н. Берков¹¹ и Б. Ст. Ангелов¹². Так первый из них полагает, что трактат Херобоска прежде всего свидетельствует о литературных интересах царя Симеона и его кружка и что риторические фигуры изучались в придворном Преславском училище. Второй усматривает в трактате Херобоска начало славяно-русской литературоведческой терминологии, а третий замечает, что это сочи-

Georgios Choïroboskos. *Lexicon für Theologie und Kirche*, Bd. IV, 1960, col. 702; H. Gärtner. *Choïroboskos*. — *Der Kleine Pauly*, Bd. 1, Stuttgart 1964, S. 1153–1154.

- 6 В. Э. Гранстрем. Византийское рукописное наследие и древняя славянорусская литература. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Ред. Д. С. Лихачев и Н. Ф. Дробленкова. Л., 1970, стр. 146.
- 7 См.: Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, стр. 499–506; Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Иждивением С. Т. Морозова. Изд. ОЛДП. СПб., 1880.
- 8 J. Besharov. *Imagery of The Igor' Tale in the Light of Byzantino-Slavic Poetic Theory*. Leiden, 1956.
- 9 В. П. Адрианова-Перетц. „Слово о полку Игореве” и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968, стр. 27–37.
- 10 П. Георгиев. Разцветът на българската литература в IX–X в. С., 1962, стр. 286–287.
- 11 П. Н. Берков. Очерк развития русской литературоведческой терминологии до начала XIX в. — ИЮЛЯ АН СССР, т. XXIII. М., 1964, вып. 3, стр. 238–247.
- 12 Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. кн. II. София, 1967, стр. 89–105.

нение свидетельствует о творческой выдумке болгарского книжника-переводчика и имеет значение в развитии художественно-эстетических и теоретических взглядов у средневековых писателей.

Служил ли трактат Херобоска предметом обучения болгарских и русских проповедников в Преславе и в Киеве? Весьма вероятно.

Во всяком случае, нельзя не заметить, что в трактате содержится не только теоретическое определение тропов и фигур, но и особое их распределение; нельзя не заметить, что приточно-иносказательному стилю, в общем, соответствует литературная теория Георгия Херобоска, где поэтические средства распределены таким способом, что при использовании тропы дают семантическое колебание между буквальным и фигуральным значением слов — понятий, а фигуры через посредство аббревиаций, амплификаций и инверсий расположения способствуют созданию и углублению художественного впечатления.

В первом Болгарском царстве (IX — начала XI в.) и Киевской Руси (конец X—XII вв.) образованность стояла на высоком уровне. В первые годы после принятия христианства Болгария и Русь, благодаря Константину-Кириллу, Мефодию и их ученикам, получили все, что было совершенно необходимо для богослужения и развития литературы на родном языке: полные комплекты всех богослужебных и библейских книг, сочинения „отцов церкви” разнообразных жанров — все в переводах на славянский язык. Жившее в славянских странах образованное греческое духовенство вносило и свою лепту в общее дело, а славяне часто бывали в Константинополе и на Афоне, где могли учиться в специальных школах и в монастырских скрипториях.

Известно, что основатель славянской письменности Константин-Кирилл Философ получил в середине IX в. образование в Магнаврском дворце; там же в конце IX в. учился и болгарский царь Симеон. Последний, по свидетельству Лиутпранда Кремонского, изучал в Константинопольском университете риторику по Демосфену, а силлогизмы по Аристотелю¹³.

---

13 *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi. Liuidprandi episcopi Cremonensis opera. Editio tertia. Hannoverae-Lipsiae, 1915.* В IX в. в школах Византии, кроме риторики и силлогистики, изучали также Священное писание, грамматику, диалектику, арифметику, геометрию и астрономию. В качестве учебных примеров цитировались тексты из Гомера и других классических авторов, см. подробнее: R. Browning, *Byzantinische Schulen und Schulmeister*, in: *Das Altertum*, Bd. IX. Berlin, 1963, H. 2, S. 110.

Учителем Константина был крупнейший проповедник того времени патриарх Фотий; последнего воспитал в духе уважения к красноречию светских ораторов Лев Математик, архиепископ фессалоникийский, ставивший светское красноречие выше красноречия апостолов и находивший в Библии плеоназмы.

Сам Кирилл Философ, по словам пространного Жития, „в 3 мѣсяца навѣкъ всю граматикѣю, а прочаа ся ять учения: научи же ся Омиру, и геометрии, и у Льва, и у Фотѣя диялексице и всѣмъ философскимъ учениемъ, къ сим же и риторикии, и арифметикии, и астрономии, и мусикии, и всѣмъ прочимъ еллинскимъ учениемъ”¹⁴.

Однако, самым убедительным доказательством того, что в Болгарии и на Руси знали риторику и руководствовались ею, является само творчество таких ораторов, как Климент Охридский, Иоанн Экзарх, Иларион и Кирил Туровский.

Анализируя их произведения, мы найдем множество иллюстраций к трем отделам риторики — *Inventio* (нахождение мыслей), *Dispositio* (их расположение), *Elocutio* (словесное выражение); о двух других отделах — *Memoria* (запоминание) и *Actio* (произнесение) мы, к сожалению, судить не можем, так как история не сохранила нам свидетельств, каким именно образом древнеславянские проповедники произносили свои проповеди или читали их, с изъяснением чувств, с обилием жестов, с использованием мимики и риторической декламацией или бесстрастно, монотонно, глухим и слабым голосом, потупив очи долу, в полной неподвижности.

Итак, Болгария и Русь обладали единой основой ораторской прозы, использовали одну и ту же систему и теорию жанра. Таков один комплекс типологической общности ораторской прозы у болгар и у русских. Этот комплекс подкреплялся другим комплексом типологической общности, состоящим в единстве литературного языка, в подобии процессов в жизни феодального общества, в общности миропозитивных позиций, в наличии непосредственных контактных связей между Болгарией и Русью с древнейших времен. Вряд ли

14 *Vita Konstantina*. — In: *Magnae Moraviae fontes historici*, t. II. *Textus biographici, liturgici*. Curaverunt D. Bartoňková, L. Havlík, J. Ludvíkovský, Z. Masařík, R. Večeřka. Brno, 1966, № 65–66. Ср.: Ђ. Трифуновић. Константинова (Ѓирилова) књижевна дела у светлости неких Фотијевих књижевно-естетичких погледа. — В кн.: Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Македонска академија на науките и уметностите. Скопје, 1970, стр. 249–260.

необходимо подтверждать эти факты примерами. Русские также умели читать, писать и говорить на языке Древней Болгарии, как на своем собственном, а древнеболгарский язык стал языком Русской церкви. В жизни феодального общества обеих стран проходили одни и те же процессы политического и социально-экономического развития: образование единого государства с сильной княжеской властью во главе и появление децентрализаторских тенденций феодальной вотчинной знати, дальнейшее развитие натурального хозяйства, а также торговли и ремесел в городах, образование и расцвет культуры народностей и возникновение угрозы порабощения извне и т.п. До эпохи византийского рабства (1018 г.) политические, экономические и культурные связи между двумя народами были действенными, живыми. Торговый путь из Варяг в Греки проходил вдоль черноморского берега Болгарии. Мирская молва о богатой стране, где можно пожить, привела в 969 г. на берега Дуная русского князя-завоевателя, каким был Святослав, мечтавшего сделать Северо-восточную Болгарию центром своей будущей феодальной державы. Слава о обширной языческой стране, населенной славянами, говорящими на понятном болгарам языке, достигала до христиан-миссионеров и звала их на берега Днепра.

После крещения Руси (988 г.) культурная жизнь Киевского общества подпадает под сильное византийско-болгарское влияние, которое оттесняет на задний план предшествовавшее ему западнославянское влияние. Болгарский царь Роман-Симеон, живший в Константинополе, присылал в конце X — начале XI в. на Русь болгарские книги, а охридский архиепископ болгарин Михаил стал киевским митрополитом (988—991 гг.). Нет сомнения, что вместе с первыми богослужебными книгами на славянском языке Русская церковь уже в конце X — начале XI в. получила и болгаро-византийские проповеди. В дальнейшем, в XI—XII вв., когда в Болгарии установилось византийское рабство, эти связи не прерывались и культурный обмен продолжался через Афон и Константинополь.

Итак, перед нами идеальный случай двойной типологической общности двух явлений, когда типологическая общность выводится не только из аналогий и параллелей, но и подкрепляется контактными связями и влиянием одного литературно-эстетического явления на другое.

Между двумя рассматриваемыми явлениями наблюдаются и различия, зависящие как от особенностей исторического развития ранне-

феодалного общества, так и от особенностей историко-литературных процессов Болгарии и Руси.

Болгария вступила на путь общественно-политического и культурного развития на основе христианства (865 г.) на полтора века раньше Руси. Более чем за столетие болгарский народ сумел вобрать в себя весь опыт греко-византийской культуры через посредство первоучителей Кирилла, Мефодия и их учеников и сумел построить свою собственную значительную христианскую культуру, в том числе и богатую и разнообразную литературу. Однако, внешние обстоятельства были чрезвычайно не благоприятными: агрессия византийских феодалов остановила нормальное развитие болгарской государственности и культуры. Киевская Русь достигла тогда политического расцвета (при Ярославе Мудром, 1019—1054 гг.), когда Первое Болгарское царство уже перестало существовать (1018 г.) и началось полуторовековое византийское рабство. Следовательно, общественно-политические и культурные процессы протекали в XI—XII в. у русских наиболее благоприятным образом для складывающейся древнерусской народности. Это был качественно иной процесс феодального развития, от юности к возмужанию и зрелости, показателем которой и явился начавшийся после смерти Ярослава Мудрого повсеместно на Руси процесс интенсивного феодального дробления, процесс дальнейшего развития феодализма вширь и вглубь.

В то время как развитие отечественной литературы в Болгарии в XI—XII вв. как бы замерло, остановилось на месте, застыло, на Руси полным ходом шел процесс становления собственной литературы, во всех ее жанрах, традиционных для греко-славянского мира и новых: гимнографии и поэзии, хронографии и летописания, агиографии, ораторской прозы, повествовательной прозы и т.п.

Вступив позже других народов на путь развития своей отечественной культуры на основах христианства, Русь имела возможность использовать опыт этих народов. Д.С. Лихачев насчитывает не менее пяти основных направлений культурных влияний на восточных славян, из них самым сильным и длительным было то влияние, которое шло с юга от Византии и Болгарии¹⁵. Случилось так, что Киевская Русь включила в состав своей литературы те литературные памятники этих стран, которые были абсолютно необходимы Русской церкви и государству

15. Д.С. Лихачев. Древнеславянские литературы как система, стр. 7 и сл.

для нормального развития. В числе них была и ораторская проза, греко-византийская и болгарская, в лице своих лучших представителей. Можно говорить даже о том, что вся система древнеболгарской ораторской прозы вместе со всеми ее произведениями была включена в состав ораторской прозы Руси, так что оригинальные произведения последней составили как бы дополнение и продолжение ораторской прозы Болгарии и Византии.

Таким образом, если ораторская проза Болгарии как бы состояла из двух этажей (переводные с греческого и оригинальные памятники), то ораторская проза Киевской Руси имела три этажа (переводные с греческого, оригинальные болгарские и оригинальные русские памятники), где второй и третий этажи не были четко отделены один от другого. Каждое из произведений любого этажа „на равных” обслуживало потребности феодального общества и надстройки, если оно содержало надстроечные элементы, с одной стороны, помогая росту народного самосознания и, с другой — укрепляя надстройку. Потому так называемые „этажи” ораторской прозы не существовали каждый сам по себе в отдельности, а располагались в виде рассмотренной нами выше системы ораторской прозы, находящейся в состоянии подвижного равновесия.

Вполне понятно теперь, почему в эпоху Киевской Руси стали развиваться такие разновидности торжественного и учительного красноречия, которых не было в Болгарии и которые могли возникнуть не на начальной, а лишь на одной из последующих стадий культурного развития славянских народов при благоприятных внешне-политических и внутри-политических условиях. Например, в Болгарии в поджанре торжественного красноречия преобладали „слова” по случаю господних и богородичных праздников, а также похвалы в честь ветхо- и новозаветных святых и первомучеников. Произведений, посвященных местным святым, сохранилось очень мало: всего 2 — Кириллу и Мефодию. Всенародные речи отсутствуют. На Руси преобладали отнюдь не праздничные „слова”, а панегирики светским властителям, приравненным к святым, — князьям Владимиру, Борису и Глебу, княгине Ольге. Княжеская похвала явилась ведущим компонентом поджанра, а всенародная речь получила блестящее развитие в устах таких ораторов как Иларион, анонимный черниговский проповедник, Моисей Выдубицкий. Из традиционных греко-византийских святых только Климент Римский, Николай Мирликийский, Козма и Дамиан удостои-

лись внимания русских проповедников, но первые два как потенциальные покровители Русской земли.

Бросается в глаза и другая особенность: у болгарских проповедников чувствуется сильная конфессиональная связь, т.е. их проповеди более отвечают задачам христианского просвещения (катехизическим, экзегетическим, догматическим, нравоучительным), чем каким-либо другим. У русских проповедников чувствуется сильная связь с политической обстановкой в стране, с политической жизнью Русской земли, с ее насущными нуждами и стремлениями. Таковы „Слово о законе и благодати” Илариона, „Слово о чуде св. Климента Римского”, „Слово о князьях” и многие другие.

Это была одна из существенных сторон ускоренными темпами развивавшейся русской литературы, когда, по словам А. Н. Робинсона, „литературно-риторическая символизация государственных и политических идей развернулась в торжественной проповеди, агиографии, летописании, литературном эпосе”¹⁶. Приведем примеры. Сравним между собой три произведения: „Слово на обретение и пренесение мощей св. Климента Римского” Константина Философа, „Похвалу св. Клименту Римскому” Климента Охридского и русское „Слово о чуде св. Климента Римского о отрочати”. Все три сочинения посвящены одной теме — прославлению Климента Римского. Все они написаны на одном и том же литературном языке, с одних и тех же позиций. Все три „слова” принадлежат к одному и тому же поджанру — торжественному красноречию, хотя они были предварительно написаны и лишь потом прочтены. Все три их автора пользуются, подобно пчеле, одним и тем же книжным медом, который они искусно собрали отчасти из риторских руководств своего времени, отчасти из произведений своих предшественников — других христианских писателей.

Если Кирилл обращается к херсонесцам, а Климент — к болгарам, то русский проповедник — к своему народу, а каждый из них — к христианам вообще; потому у всех трех и звучит в заключении одна и та же тема: тема заступничества Климента.

Когда славянские народы делали первые шаги по пути христианизации, они и зависели от кирилло-мефодиевской письменной традиции и, одновременно, не зависели от нее так как вносили каждый что-то

¹⁶ А. Н. Робинсон. Задачи литературно-исторической типологии при изучении древнейшей русской литературы, стр. 29.

свое. Потому то и различия, которые мы можем наблюдать в трех произведениях о Клименте Римском, неизбежно связаны как с исторической обстановкой их породившей, так и с особенностями развития формы литературных произведений в конкретных условиях. Каждое из них соотносится с разными типами торжественных „слов”: у Кирилла — с похвальными „словами” на обретение и перенесение мощей; у Климента — с похвальными „словами”, читаемыми на дни празднования памяти святого и имеющими целью кратко похвалить некоторые из добродетелей святого и рассказать о его даре чудотворения; у русского проповедника — с похвальными „словами” на чудеса, освящение и обновление храмов. Разность типов ведет и к разности структур. В „Слове на обретение” большую часть (около 5/7) занимает рассказ об истории поисков и находке мощей святого и только в конце содержится небольшое ораторское прославление добродетелей Климента. В „Похвале”, выдержанной в одном ораторском ключе, не чувствуется особых переходов от нарративности к панегиризму, хотя известное внимание уделяется и биографии Климента, и его добродетелям, и дару чудотворения. В „Слове о чуде” основное внимание сосредоточено на даре чудотворения Климента, который чудесно связывается с Русью, с Десятинным храмом и его покровителем князем Изяславом Ярославичем, отчего весь памятник приобретает политическое звучание. В „Слове на обретение” и в „Похвале” внимание проповедников больше сконцентрировано вокруг вопросов конфессиональных, безотносительно к судьбам славянских народов. Тем не менее, общность темы и жанра трех произведений о Клименте Римском позволяет считать их написанными в рамках одной кирилло-мефодиевской традиции.

Жанровое новаторство особенно ярко проявляется у Илариона. Мы принимаем гипотезу Л. Мюллера о пятичастной композиции „Слова о законе и благодати”, как наиболее точно характеризующую структуру произведения, вытекающую из заглавия памятника по Синодальному списку и соответствующую обычной пятичастной структуре ораторских произведений.¹⁷ Каждая из 5 частей „Слова о законе и благодати” соответствует 5 основным мыслям проповедника, вытекающих одна из другой. Выступая перед высокообразованной аудиторией, Иларион ведет своих слушателей от расплывчатого общего к конкретному частному, от закона и благодати к похвале Русской земле и Владимиру,

17 L. Müller. Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Nach der Erstausgabe von 1844 neu hrsgb. und erläutert. Wiesbaden, 1962.

к молитве за Русскую землю, от восторга к умилению и от умиления к покаянию¹⁸.

Однако, не только отточенностью и совершенством логического развития мыслей славился Иларион. Воспитанный на греко-болгарских образцах похвальной речи, Иларион строит свое произведение по всем правилам ораторского искусства, в духе так называемого „второго типа“ панегирических слов, соединяющего энкомий с акафистом. Однако, и в этот тип речей он вносит нечто особенное, свое, построив I—III части „Слова“ как апологетико-полемическое сочинение против иудаизма с апологией христианства, IV часть — как типичный энкомий, а V—VII часть как молитву.

Вначале Иларион, казалось бы следовал за обычной для Византии практике придворных ораторов произносить в присутствии императоров состязательные речи, витийственные и медоточивые¹⁹, однако, потом постепенно превращал учительную речь в торжественную, да и учительными I—III части могут считаться лишь отчасти, так как никакого конкретного спора с иудействующими киевлянами здесь не требовалось, — а по существу это был завуалированный подход к прославлению христианства Русской земли, равноапостольного Владимира и наследника его Ярослава. Не будучи творцом новых тропов и фигур, Иларион употреблял тот книжный мед, которым он подобно трудолюбивой пчеле предусмотрительно запасся ранее в Священном писании, у знаменитых христианских ораторов древности и, в том числе у представителей Александрийской школы. Это прежде всего аллегоризм и символизм при истолковании библейских текстов (выискивание таинственного сокровенного смысла), применение таких фигур как антитеза, апостроф, анафора, синтаксический параллелизм, сравнение, олицетворение и мн. др. Эти приемы распределены неравномерно: в I—III частях господствует антитеза. Например, при противопоставлении закона благодати под именем Агарь и Сарра вначале 10 антитез

18 Покаянные молитвы произносились обычно перед образом спасителя в любой день и час дня или ночи с покаянием в сердце и слезами на глазах. Она вполне подходила к обстановке, если „Слово“ произносилось в церкви, и вполне гармонировала с содержанием всего произведения, когда слушатели вначале были захвачены величественными картинами торжества благодати над законом, убеждены в действительности торжества благодати на Руси, умилены подвигом Владимира и теперь обратились к богу с мольбой не оставить их.

19 Ср. например, Похвальное „слово“ Евфимия Торникия к Алексею II Комнину (см. А. П. Лебедев. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. 2-ое изд. М., 1902, стр. 480).

(24,15–27,3)²⁰, затем 7 (27,3–27,21) : при противопоставлении старого (Манассии) новому (Ефрему) 2 антитезы (27,24–27,26), затем следуют отдельные антитезы при сопоставлении иудейства и христианства, закона и веры, прежнего и нынешнего отношения иерусалимлян к богам и т.п.; при противопоставлении двух сущностей естества Христа – божественного и человеческого – 17 антитез (30,17–31,19), заимствованных из „Слова на преображение” Ефрема Сирина; при рассказе о повсеместном распространении благодати 3 антитезы (34,10–34,13), затем 5 (34,21–35,2), потом 6 (35,4–36,6) и еще 7 (36,6–36,20).

В IV, центральной части произведения, наблюдается громадное разнообразие приемов. Здесь и риторические вопросы, восклицания, обращения и исколон, и гомойотелевт, и гомойоптотон, и парехесис, и апостроф, и эпитетон. Тропы и фигуры чередуются с ведущими изложение опорными смысловыми фразами, перебивками во избежании монотонности. Весь энкомий построен Иларионом весьма искусно: похвала концентрически сужается, вначале (1) – это историческая часть об учителе Русской земли кагане Владимире, который превращается из князя-язычника в одного из ревностных христиан, затем (2) – основная похвала его добродетелям и делам, которая переходит в похвалу его потомству – сыну Георгию и делам последнего, и наконец, (3) – снова панегирик добродетелям князя Владимира с акафистом.

„Слово” Илариона не похоже на предшествующие ему эпидейктические сочинения. Если у Климента Охридского похвальное слово состоит из биографии – похвалы и акафиста – похвалы, а у Иоанна Экзарха из похвалы и поучения, то „Слово” Илариона не двух – , а трехсложное (полемика, энкомий, молитва). Это сочинение стояло у истоков русского самосознания, ставившего Русскую землю на одну высоту с Болгарией и Византией. Болгарское проповедничество таких произведений не знало, естественно, потому что отражало начальный этап литературного развития славянских народов.

Итак, установление двойной типологической общности систем ораторской прозы болгарского и русского народов подготавливает материал для уяснения литературного развития, помогает лучше понять своеобразие и особенности путей развития литератур болгарского и русского народов эпохи Средневековья.

Leningrad

Ju. K. Begunov

20 Здесь и далее цифры обозначают номера страниц и строк по изданию „Слово о законе и благодати” Илариона в упомянутой выше книге Л. Мюллера.